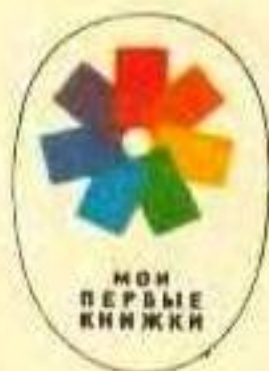

Н. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

ТЁМА и ЖУЧКА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Н. ГАРИН - МИХАЙЛОВСКИЙ

ТЁМА и ЖУЧКА

Рисунки А. Сленкова

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

Ночь. Тёма спит нервно и возбуждённо... Неясный полусвет ночника слабо освещает четыре детских кроватки и пятую большую, на которой сидит теперь няня в одной рубашке, с выпущенной косой, сидит и сонно качает маленькую Аню.

— Няня, где Жучка? — спрашивает Тёма.

— И-и, — отвечает няня. — Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод. — И, помолчав, прибавляет: — Хоть бы убил сперва, а то так, живьём... Весь день, говорят, визжала сердечная...

Тёме живо представляется старый, заброшенный колодец в углу сада, давно превращённый в свал всяких нечистот, представляется скользкое жидкое дно его, которое иногда с Иоськой они любили освещать, бросая туда зажженную бумагу.

— Кто бросил? — спрашивает Тёма.

— Да ведь кто? Разве скажет!

Тёма с ужасом вслушивается в слова няни. Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для

себя снова засыпает. Он просыпается опять от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка всё обрывалась, пока он не решил сам лезть за нею. Тёма совершенно явственно помнит, как он привязал верёвку к столбу и, держась за эту верёвку, начал осторожно спускаться по срубам вниз; он уже добрался до половины, когда ноги его вдруг соскользнули, и он стремглав полетел на дно вонючего колодца. Он проснулся от этого падения и опять вздрогнул, когда вспомнил впечатление падения.

Сон с поразительной ясностью стоял перед ним. Через ставни слабо брезжил начинающийся рассвет.

Тёма чувствовал во всём теле какую-то болезненную истому, но, преодолев слабость, решил немедленно выполнить первую половину сна. Он начал быстро одеваться...

Одевшись, Тёма подошёл к няниной постели, поднял лежавшую на полу коробочку с серыми спичками, взял горсть их к себе в карман, на цыпочках прошёл через детскую и вышел в столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу здесь было уже порядочно светло.

В столовой царил обычный утренний беспорядок: на столе стоял холодный самовар, грязные стаканы, чашки, валялись на скатерти куски хлеба, стояло холодное блюдо жаркого с застывшим белым жиром.

Тёма подошёл к отдельному столику, на котором лежала куча газет, осторожно выдернул из середины несколько номеров, на цыпочках подошёл

к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

Его обдало свежей сыростью рассвета.

День только что начинался. По бледному голубому небу там и сям, точно клочьями, повисли мохнатые, пушистые облака. Над садом лёгкой дымкой стоял туман. На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке...

Он спустился по ступенькам террасы в сад. В саду царил такой же беспорядок вчерашнего дня, как и в столовой. Цветы с слепившимися перевёрнутыми листьями, как их прибил вчера дождь, пригнулись к грязной земле. Мокрые жёлтые дорожки говорили о силе вчерашних потоков. Деревья с опрокинутой ветром листвой так и остались наклонёнными, точно забывшись в сладком предрассветном сне.

Тёма пошёл по главной аллее, потому что в каретнике надо было взять для петли вожжи. Что касается до жердей, то он решил выдернуть их из беседки...

Каретник оказался закрытым, но Тёма знал и без замка ход в него: он пригнулся к земле и подлез в подрытую собаками подворотню. Очутившись в сарае, он взял двое вожжей и захватил на всякий случай длинную верёвку, служившую для просушки белья.

При взгляде на фонарь он подумал, что будет удобнее осветить колодец фонарём, чем бумагой, потому что горящая бумага может упасть на Жучку — обжечь её.

Выбравшись из сарая, Тёма избрал кратчайший путь к беседке — перелез прямо через стену, отделявшую чёрный двор от сада. Он взял в зубы фонарь, намотал на шею вожжи, подвязался верёвкой и полез на стену. Он мастер был лазить, но сегодня трудно было взбираться: в голову точно стучали два молотка и он едва не упал.

Взобравшись наверх, он на мгновение присел, тяжело дыша, потом свесил ноги и наклонился, чтобы выбрать место, куда прыгнуть. Он увидел под собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгает, когда он попадёт в свеженамоченную листву. Он оглянулся было назад, но, дорожа временем, решил прыгать. Он всё-таки наметил глазами более редкое место и спрыгнул прямо на черневший кусок земли. Тем не менее это его не спасло от брызг, так как надо было пробираться между сплошными кустами виноградика, и он вышел на дорожку совершенно мокрый. Эта холодная ванна мгновенно освежила его, и он почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что пустился рысью к беседке, взобрался проворно на горку, выдернул несколько самых длинных прутьев и большими шагами по откосу горы спустился вниз...

Подбежав к отверстию старого, заброшенного колодца, пустынно торчавшего среди глухой, поросшей только высокой травой местности, Тёма вполголоса позвал:

— Жучка, Жучка!

Тёма замер в ожидании ответа.

Сперва он ничего, кроме биения своего сердца да ударов молотков в голове, не слышал. Но вот

откуда-то издалека, снизу, донёсся до него жалобный, протяжный стон. От этого стона сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик:

— Жучка, Жучка!

На этот раз Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тёму до слёз тронуло, что Жучка его узнала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчас тебя вытащу! — кричал он ей, точно она понимала его.

Жучка ответила новым радостным визгом, и Тёме казалось, что она просила его поторопиться исполнением обещания.

— Сейчас, Жучка, сейчас, — ответил ей Тёма и принялся с сознанием всей ответственности принятого на себя обязательства перед Жучкой выполнять свой сон.

Прежде всего он решил выяснить положение дела. Он почувствовал себя бодрым и напряжённым, как всегда.

Болезнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить в яму было делом одной минуты.

Тёма, наклонившись, стал вглядываться.

Фонарь тускло освещал потемневший сруб колодца, теряясь всё глубже и глубже в охватившем его мраке, и наконец на трёхсаженной глубине осветил дно.

Тонкой глубокой щелью какой-то далёкой панорамы¹ мягко сверкнула перед Тёмой в бесконечной

¹ П а н о р а м а — вид местности, открывающийся обычно с высоты.

глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная, гладь вонючей поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенками полу-сгнившего сруба.

Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далёкой, нежно светившейся страшной глади. Он точно почувствовал на себе её прикосновение и содрогнулся за свою Жучку. С замиранием сердца заметил он в углу чёрную шевелившуюся точку и едва узнал, вернее, угадал в этой беспомощной фигурке свою некогда резвую, весёлую Жучку, державшуюся теперь на выступе сруба. Терять времени было нельзя. От страха, хватит ли у Жучки силы дожждаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия. Он быстро вытащил назад фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять в темноте, что он её бросил, Тёма во всё время приготовления кричал:

— Жучка, Жучка, я здесь!

И радовался, что Жучка отвечает ему постоянно тем же радостным визгом. Наконец всё было готово. При помощи вожжей фонарь и два шеста с пере-кладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец.

Но этот так обстоятельно обдуманный план потерпел неожиданное и непредвиденное фиаско благодаря стремительности Жучки, испортившей всё.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившийся снаряд имел целью её спасение, и поэтому, как только он достиг её, она сделала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бес-

полезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь.

Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступ.

Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна — самому спуститься в колодец.

Он привязывает вожжи к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. Он сознаёт только одно: что времени терять нельзя ни секунды.

Его обдаёт вонью и смрадом. На мгновение в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки; это успокаивает его, и он спускается дальше. Он осторожно щупает спускающейся ногой новую для себя опору и, найдя её, сначала пробует, потом твёрдо упирается и спускает следующую ногу.

Добравшись до того места, где застряли брошенные жердь и фонарь, он укрепляет покрепче фонарь, отвязывает конец вожжи и спускается дальше. Вонь всё-таки даёт себя чувствовать и снова беспокоит и пугает его. Тёма начинает дышать ртом. Результат получается блестящий: вонь нет, страх окончательно улетучивается.

Снизу тоже благополучные вести. Жучка, опять уже усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию.

Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки

передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

Между ним и Жучкой происходит трогательное свидание друзей, не чаявших уже больше свидеться в этом мире. Он наклоняется, гладит её; она лижет его пальцы, и так как опыт заставляет её быть благоразумной — она не трогается с места, но зато так трогательно, так нежно визжит, что Тёма готов заплакать...

Не теряя времени, он, осторожно держась зубами за изгаженную вожжу, обвязывает свободным её концом Жучку, затем поспешно карабкается наверх.

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тёму быстрее подниматься.

Но подниматься труднее, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Он судорожно ловит в себя всеми лёгкими воздух колодца, рвётся вперёд, и чем больше торопится, тем скорее оставляют его силы.

Тёма поднимает голову, смотрит вверх, в далёкое ясное небо, видит где-то высоко над собою маленькую весёлую птичку, беззаботно скачущую по краю колодца, и сердце его сжимается тоской: он чувствует, что не долезет.

Страх охватывает его. Он растерянно останавливается, не зная, что делать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, бессилия, сознания гибели закрадываются в его душу...

— Не надо бояться, не надо бояться! — говорит он дрожащим от ужаса голосом. — стыдно бояться! Трусы только боятся. Кто делает дурное — боится,

а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа и мама за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять, опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу. Жучка рада будет, все будут удивляться, как я её вытащил.

Тёма говорит громко, у него голос крепнет, звучит энергичнее, твёрже, и, наконец успокоенный, он продолжает взбираться дальше.

Когда он снова чувствует, что начинает устывать, он опять громко говорит себе:

— Теперь опять отдохну и потом опять полезу. А когда я вылезу и расскажу, как я смешно кричал сам на себя, все будут смеяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил.

Таким образом, незаметно его голова высовывается наконец над верхним срубом колодца. Он делает последнее усилие, вылезает сам и вытаскивает Жучку.

Теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его.

Почувствовав себя на твёрдой почве, Жучка энергично встряхивается, бешено бросается на грудь Тёмы и лижет его в самые губы. Но этого мало, слишком мало для того, чтобы выразить всю её благодарность,—она кидается ещё и ещё. Она приходит в какое-то безумное неистовство.

Тёма бессильно, слабеющими руками отмахивается от неё, поворачивается к ней спиной, надеясь этим манёвром спасти хоть лицо от липкой, вонючей грязи.

Занятый одной мыслью — не испачкать об Жучку лицо, Тёма ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тёма замирает на месте.

Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова.

Напряжённые нервы Тёмы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву, к великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, без препятствий, выражает ему свою горячую любовь и признательность за спасение.

Еремей (это был он), подымавшийся со свеженакосенной травой со старого кладбища, увидев Тёму, сообразил, что надо спешить к нему на помощь.

Через час Тёма, лёжа на своей кроватке с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя.

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

**В серии «Мои первые книжки»
для детей дошкольного возраста
в 1985 году издаются:**

Русская народная сказка — ДРУЖБА ЗВЕРЕЙ

Могилевская С. — МАКСИМКА

Михалков С. — МОЯ УЛИЦА

Одоевский В. — МОРОЗ ИВАНОВИЧ

Пушкин А. — СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Чуковский К. — МОЙДОДЫР.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

ТЕМА И ЖУЧКА

Отрывок из повести «Детство Тёмки»

ИБ № 6105

Ответственный редактор Н. М. Мартынова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректор Л. И. Дмитриев. Сдано в набор 27.02.85. Подписано и печатно 03.09.85. Формат 70×90^{1/16} Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,17. Усл. кр.-отт. 5,27. Уч.-изд. л. 0,78. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 259. Цена 10 коп. Орденом Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Чернышевский пер., 1. Калининский орден Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 176040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.